

Благочестивый царь Фёдор Иоаннович четыре века назад с покаянным вздохом отказал в одной особой просьбе Джильсу Флэтчеру, посланнику королевы Елисаветы: сей досточтимый сэр передал ему пожелание своей последней из династии Тюдоров безбрачной управительницы предоставить англичанам перед всеми иными заморскими купцами монополию на беспошлинную торговлю в Московии. Получив смиренный отказ, Флэтчер в сатирическом запале написал книжицу «О Русском Государстве». И в ней наши всякие разные нравы да обычаи первым из иностранцев карикатурно представил в живости.

Так родилась русофобия...

Правда, Елисавета не только повелела книжицу Флэтчерову «за перегибы» показательно запретить, дабы не ранить смиренного «брата» Фёдора, но, более того, в наказание сурово отставила Джильса в его настырном соискательстве заветного звания придворного историографа. Так выше должности городского секретаря в Лондоне злоязычный Флэтчер с тех пор и не поднялся.

Эти факты поведал нам Василий Васильевич, главный редактор воронежского журнала «Лики жизни», вручая нам авиабилеты на рейс Москва-Прага: мне, заму по особым вопросам, а также Вальке Романову, первому аналитическому перу нашей постоянной публицистической колонки «Народ правду знает», и молодому фотографу Илюше Гаршину, стоявшему на пороге мировой известности. Ко всему прочему нам был дан наказ на месте осмотреться, насколько нынешние «флэтчеры» преуспели относительно своего аглицкого прародителя. Чехию Василий Васильевич выбрал для подступа к теме, как одно из достаточно спокойных в отношении путинской России европейских государств. Разъярённые Польша, Литва и Украина были на очереди, с оглядкой.

«На дорожку» Василий Васильевич напутствовал наш спаянный коллектив по-военному коротко и убедительно: «Кто-то активно раскачивает лодку худого европейского мира. Наш журнал не имеет права оставаться в стороне. Тем более в свете предстоящих президентских выборов».

А шеф у нас человек особого замеса: бывший командир роты спецназа ВДВ. Дворец Амина штурмовал в декабре далёкого семьдесят девятого. И ещё у него до сих пор на лице нервный тик с тех пор, как заговорщики в Беловежской пуще Советский Союз без единого выстрела завалили. При всём, при том Василий Васильевич эту свою мимическую аномалию не лечит. Более того, почитает её как достойное наказание за его личное попустительство в разгроме СССР.

В качестве духовного ориентира Василий Васильевич дал нам на дорожку прочитать в социальных сетях письмо одной известной украинской писательницы: «Все правительства и народы сегодня ненавидят русских. Ими страшат непослушных детей. Как раковая опухоль, русские пускают вокруг себя всё новые и новые метастазы путинской агрессивности. Это неизлечимая имперская болезнь. К счастью, украинцы, поляки, болгары, чехи и так далее такого качества лишены. Славянских братьев у русских нет! Белорусы и сербы вот-вот тоже отвернутся от них навсегда! Они отщепенцы на обочине, та поганая овца, что всё стадо портит».

– Ну, что тут сказать? – глухо проговорил Василий Васильевич, прикрывая ладонью свою судорожную щёку. – Я в семидесятые прошлого века служил на Украине... И уже тогда стал замечать, что там исподволь назревает нечто неладное...

Василий Васильевич напряжённо посуровел:

– Помню, как в Киеве вечерами в парках над Днепром стали собираться хлопцы в вышиванках, что-то пели, читали вслух... Как теперь понимаю, Шухевича с Бандерой. При встрече и расставании вскидывали руку... На всяких разных общественных мероприятиях флаг России стали нести чуть ли не самым последним. Великого Кобзаря норовили толковать как разоблачителя москалей-завоевателей... А тамошний КГБ и милиция делали вид, что ничего настораживающего не происходит. В свою очередь, украинское лобби в ЦК КПСС блокировало все попытки принять в этом плане должные меры. Лично я не мог молчать и написал рапорт о таких странных политических явлениях. И толку? Меня обвинили в имперском национализме и турнули со службы...»

2

В салоне подлатанного старичка «Боинга», задарма приобретённого на заре перестройки в Штатах по разряду металлолома будущими олигархами, пассажирский народ сидел просторно: с эдакой вальяжностью, как в эксклюзивном кинозале. Мы тоже расположились, словно перед началом сеанса. И он начался, когда самолёт взлетел. Это был запоминающийся сеанс. В нём участвовали небо, облака, стюардессы и джин. Кажется, не палёный.

Моим соседом оказался поляк, судя по его приветствию в мой адрес: «Битам...» Так что с первой минуты я стал ждать, что он в духе времени тотчас начнёт требовать с меня покаяния за Катынь и гибель под Смоленском самолёта президента Польши. Не исключалась и тема Гришки Отрепьева, который с полячкой пани Мнишек некогда вступил в пределы Московские под своими победными красными знамёнами для возвращения Руси в пределы цивилизованного мира.

Однако мой сосед спасительно молчал всю дорогу. И его молчание вовсе не было русофобским. Он мирно дремал. Даже когда «Боинг» стал активно снижаться, так что у всех у нас обморочно перехватило дыхание, и сел. С пугающим треском. И по традиции – под бодрые аплодисменты пассажиров в честь мастерства первого пилота. Словно в финале волнующей пьесы, в которой главные герои счастливо избегают гибели.

В Пражском аэропорту я был готов ко всему. Скажем, перетряхнуть свою поклажу или по первому требованию раздеться догола. Однако добродушные таможенники никак не спешили заподозрить во мне русского шпиона. Они даже ни разу не заглянули в мой чемодан с воинственной камуфляжной расцветкой. Они лишь просветили его на бегущей ленте рентгеновской установкой, вежливо предложив мне посторониться подальше от лучей радиации.

В зале ожидания к нам тотчас подошла высокая, полная и красивая девушка в очень открытом платье. Елена, жена младшего сына нашего шефа от его третьей жены. После окончания Оксфорда, молодой человек занялся бизнесом в Чехии, но жил в основном в Лондоне.

– Это – вы? – не столько сказала она, сколько построила фразу, невольно доказывая этим, что отвыкнуть от родного языка в чужих пенатах много времени не требуется.

– Это мы! – вдохновенно сказал я и пожал ей руку, а потом, как спохватившись, ещё и поцеловал. Из-за суетности куда-то в середину предплечья, почти в то место, откуда берут из вены кровь на анализ.

Со стороны это могло показаться признаком скрытого вампиризма русского человека, но на нас, к счастью, никто не обратил внимания.

Только Елена в момент поцелуя гортанно воскликнула «О-о-о!!!» и откинула голову, показав нам всю прелесть своей красивой, полной и ровно загоревшей шеи.

Валентин и Илья тотчас повторили мой жест, но с большей галантностью и естественностью. Тем не менее, стало очевидно, что никто из нас не умеет это делать как следует. Однако всё искупала наша искренность. Илья так тот даже трижды поцеловал руку красивой и очень обнажённой Елены.

Вообще-то в той сутолоке, которая возникает в аэропорту, когда трёхсотместный самолёт опустошается от своих пассажиров, мы держались достаточно неплохо. Валентин явно превзошёл сам себя и после того, как все мы пожали и поцеловали красивую полную руку Лены, ещё и порывисто обнял её. И хотя он был на две головы ниже Лены, это не показалось очень смешным и ничего не испортило в тёплой ауре нашей встречи.

– О-о-о! – лишь снова вскрикнула юная родственница шефа.

На этом всем нам следовало бы остановиться. Но мы как заведённые потянулись каждый обнять её в свою очередь. Словно это входило в некий международный код толерантности, и мы должны были его исполнить во что бы то ни стало, чтобы ни на йоту не уронить собственное репутацию. Скорее всего, этим приступом жарких объятий мы на бессознательном ритуальном уровне решили немедленно и по полной программе продемонстрировать широту русской души. Хотя я был в смысле национальности украинцем, Валентин белорусом, а Илья евреем.

Как бы там ни было, тотчас после Валентина девушку обнял Илья, а потом и я. Но так как я внешне был самый крепкий и крупный в нашей группе, и вообще выделялся в масштабах многолюдья пражского аэропорта пропорциями истинного русского медведя, Лена как бы нечаянно отстранилась. Я, было, по «непонятке» вновь настойчиво сунулся к ней со своим борцовским захватом а-ля Иван Поддубный, но она ловко увильнула и на этот раз. Правда, достаточно неуклюже. Могла даже упасть.

– Остыньте, мужики! – первым спохватился, как придя в себя, наш Романов. – Совсем девку затискали. Что же с вами через два дня будет? Опасный народ, эти русские!

Я покаянно склонил свою мощно улыбающуюся голову и развёл руками.

– Лена, а как вы так сразу узнали нас?..

– Это трудно объяснить... Не знаю... Только русские за границей всегда чем-то особым отличаются в любой толпе, – покраснела она.

– А вы – русская? – хмыкнул Илья.

– Да, – чуть ли не до слёз смутилась Лена, в которой явно преобладали армянские черты с возможными вкраплениями бурятских генов.

Вскоре возле ожидавшей нас чёрной «Татры» она простилась с нами, и я машинально отметил, с каким облегчением это было сделано. Она без сожаления распрощалась с соотечественниками.

Водитель «Татры» строго обошёл машину и бдительно проверил, как мы закрыли двери. Он явно беспокоился за нашу безопасность. В его стиле была езда жёсткая, атакующая. Ведь нам подали ту самую знаменитую раритетную «Татру-613» образца конца девяностых прошлого века. Длинная и крупная. Седан с итальянским дизайном, похожий на лифтбек благодаря просто фантастическим «плавникам» вдоль заднего стекла. Плюс две выхлопные трубы для огнедышащего стасемидесяти сильного движка. Крейсерская скорость – сто девяносто. Это не автомобиль для ежедневной езды. На такой «тачке» представительского уровня в СССР в своё время барражировал только заместитель Председателя КГБ СССР генерал-лейтенант, фамилию которого всё-таки лучше и посейчас не поминать всуе.

– Гагарин Гагариным, но ваши знаменитые «волжанки» того времени ни в какое сравнение не могут идти с этой нашей «Татрой!» – сносно по-русски, но с чешской правдолюбивой логикой гордо объявил водитель.

Люксовая машина взяла дорогу без каких-либо намёков на тяжеловесность, с первых секунд объявив свою задорную мощь. Разницу наших и чешских дорог нельзя было не почувствовать с первых метров езды, но мы патриотично не стали обсуждать эту тему.

Мы проехали Прагу с её тёмнокаменными пиками соборов и вышли на трассу, ведущую к пригородному посёлку. «Татра» реально хватко управлялась с отличной дорогой.

Мы по пути несколько раз порывались заговорить с нашим водителем, но из этого так ничего и не вышло. Хотя вряд ли он уже потратил весь запас своих знаний русского языка.

– Мне очень не нравится ваш язык, – рывками вздохнул водитель и закурил. – Длинный, многозначный... И всегда путаюсь в ваших хитрых выражениях: «Руки не доходят», «Да нет, наверное», «Спал без задних ног»...

Мы около часа уважительно поглядывали по сторонам на чешские пейзажи. Сейчас это были в основном матёрые лесистые горы. Если промелькивала какая-никакая пегая берёзка, мы радовались, словно весточке из дома. Хотя здешние представители семейства *Vetula* невольно казались нам поплоче наших, неказистей. При всём притом мы хорошо знали, что и у нас растут всякие оные. Как, скажем, прямо под моим окном в микрорайоне Берёзовая роща, – донельзя тонкая и скорченно кривая. Просто-таки болящая. Так что разница, которую мы видели сейчас в чешских берёзах относительно русских, скорее всего, была вызвана первым, пусть ещё достаточно смутным толчком ко грусти по дому и материализацией такой сложной духовной субстанции, каковой поныне для многих является такое загадочное чувство как патриотизм.

Да, это был именно он. Объявился, спасибо чешским берёзкам, натурально, а не в бодрых речах, не в статейке какой-никакой разэтакой, на потребу дня сварганенной. Честно говоря, я впервые испытал такое свежее, явное чувство любви к Родине, и был благодарен ему, что оно посетило меня в обход полудиссидентских размышлений о низком уровне зарплат, зарвавшейся коррупции и раздутом донельзя чиновничьем аппарате вкупе с неуклюжей, мягко говоря, пенсионной реформой. Уже ради этого хотя бы иногда стоит оказаться вдали от родного дома.

Кстати, тем, кому чувство патриотизма ещё неведомо за житейской суетой, рекомендую с ним познакомиться поближе. Оно стимулирует самоуважение. Стоит только раз убедиться, что оно у тебя есть, как ты осознаёшь, что с тобой, значит, всё в порядке. Это нечто типа духовной биопсии.

Возле отеля водитель достал из багажника наши чемоданы. Мой он выхватил первым. Как только водитель поставил чемодан возле «Татры», тот куда-то исчез. Следом исчез чемодан Валентина. Я это понял по выражению его лица. Он в свою очередь всё понял насчёт моего чемодана по моему лицу. И водитель понял. Это тотчас доказал его благодушный хохот: более чем шустрый швейцар уже входил в вестибюль с нашими чемоданами. Другой швейцар проворно, но, тем не менее, торжественно снял с асфальта чемодан Ильи.

Мы поднялись на свой седьмой этаж пешком потому, что не сразу разобрались, как пользоваться лифтом. Ничего удивительного: его кабина напоминала космический модуль ни мало, ни много для марсианского полёта. Особенно своим многоуровневым хромированным пультом. Кажется, в этом лифте на ходу до верхнего сорокового этажа, над которым на крыше расположился самый знаменитый местный ресторан, можно было выпить чашечку кофе, посмотреть новости, заказать билеты на ипподром или сделать причёску. Уверен, его функции были бесконечными. Может быть, вплоть до оказания квалифицированной помощи при деторождении и подачи заявки на участие в ближайшем гей-параде. Даже лучшие московские лифты, неплохо известные нашей команде, перед ним напоминали, в лучшем случае, верёвочные лестницы с подсветкой.

Мы с нашей отечественной дерзостью рискнули-таки прикоснуться на сияющем пульте к кое-каким выпуклостям, но даже двери не закрылись. Лифт удручённо бездействовал, если не равнодушно игнорировал нас.

Валентин предположил, что надо опустить куда-нибудь монету. Типа дать на чай. Однажды в Париже, где ему как-то пришлось быть с двухдневной поездкой, он попал в кабине городского туалета в самую настоящую ловушку. Зайти он в него зашёл, но вот выйти – никак не получалось. Пока не нашёлся парижанин, который на жутком русском так-таки смог в ответ на его печальные стуки в дверь объяснить, что вход в туалет бесплатный, но выйти из него можно только за конкретную денежку.

В общем, Валентин с самым что ни на есть умным видом достал металлическую крону, но ему так и не удалось её втиснуть ни в какую щель не только на пульте лифта, но и на его стенах, полу и даже потолке.

В итоге мы с национальной гордостью, как ни в чём не бывало, вышли из ярко освещённой зеркальной кабины, и пешком отправились восвояси на наш седьмой этаж. Казалось, лифт снисходительно усмехается нам вслед.

К вечеру мы вполне освоились с этой запредельной лифтовой техникой. И только Валентин за все дни принципиально ни разу не воспользовался им. Наверное, он не очень навредил себе. Не самое худшее для здоровья несколько раз за день взойти на седьмой этаж самоуверенной походкой.

Ждали мы какого-то подвоха и от нашего номера, хотя он всем нам с первого взгляда очень даже понравился. Даже Валентину, несмотря на его печальный французский опыт. Пусть и двухдневный. Всё равно это что-то. Я скоро убедился в полезности французского опыта Валентина.

Я раскрыл холодильник: на полках стояли и лежали в строгом иерархическом порядке разных калибров бутылки с коньяком, виски, шампанским и пивом. Пиво, конечно же, было чешское. Знаменитое чешское пиво. Вернее, более чем знаменитое! Высший пилотаж, а не пиво. Я много слышал о нём. Те из моих знакомых, у которых был чешский опыт, без труда убедили меня в его особых достоинствах. Из их рассказов мне больше всего запомнилось, какая на чешском пиве сочная тяжёлая пена: самая настоящая сметанная пробка, если иметь в виду не нашу магазинную, а рыночную «бабушкину» сметану. Мне знатоки называли много сортов чешского пива, но чаще всего «Старосмиховское». С ароматом богемского хмеля, собранного вручную. Всё, что говорилось о нём, я хорошо запомнил. Хотя мне пришлось многое что запоминать: и про особый моравский ячмень, и мягкую здешнюю воду, а также верность старинным технологиям. Об этом правильном пиве можно писать поэму. В общем, во мне уже загустела заочная жажда на «Старосмиховское».

«Старосмиховского» в холодильнике оказалось предостаточно!

Ещё имелось в наличии пиво «Кристалл» и «Козел». Тоже вовсе не второразрядное, но куда им до «Старосмиховского».

– Это более чем дорогое удовольствие, – многозначительно сказал Валентин, явно опираясь на свой французский опыт. Он заключался в печальном знании того, что стоимость бутылок в холодильнике нам не по карману с нашими суточными.

В это время, вознамерившись зажечь в номере свет, Илья случайно нажал какую-то кнопку. И опять нам пригодился двухдневный французский опыт нашего товарища. Оказывается, Илья, не ведая, вызвал в номер официанта, который, ничтоже сумняшеся, востребует с нас за такую изысканную услугу неподъёмную плату.

– Мы можем отказаться! – мудро заметил я. – Ещё, надеюсь, не поздно? Не будем паниковать. В крайнем случае, обратимся за помощью к принимающей стороне. Или закажем что-нибудь простенькое. Скажем, по сардельке.

– И по стакану кипятка без сахара, – вздохнул Илья.

– Само собой, чего-нибудь подешевле.

– Так не годится! – хмыкнул Валентин с высоты своего парижского опыта. – Не будем же мы гонять человека взад-вперёд из-за такой ерунды? Что о нас здесь подумают?

– Действительно! Вывернемся! Но флот не опозорим! – бодро заверил я и чуть ли не под аплодисменты дерзко предложил заказать в номер к «Старосмиховскому» пиву блюдо со знаменитой здешней ветчиной и жареной телятиной, а также ещё более знаменитые чешские кнедлики. Каждому побывавшему в этой стране известно, что если их не попробовать, то можно считать, вы ни в какую Чехию и не приезжали. Этой их кулинарной изюминке несколько сотен лет: отварные клёцки с овощным гарниром, мясным гуляшом или жареным луком с солёными огурцами. Вариантов добрая сотня. Может быть несколько сотен.

И куда только делась наша недавняя растерянность? Мы точно флаг над собой торжественно подняли. Ценю это качество моих соотечественников. Из огня да в полымя.

Мы гордо ждали официанта. Да хоть целую их когорту с переполненными подносами. Ждали с обострённым предвкушением. Только что руки не потирали. С нас, русских, станется, если

войдём в раж. А мы были на грани в него войти, пинком распахнув все двери. Последний парад наступает!!! Или что-то вроде того.

Валентин даже надел галстук. Мы проветрили номер и включили телевизор, чтобы поднять градус праздничного настроения в связи с прибытием в дружественную Чехословакию. Извините, в Чехию.

По здешнему каналу показывали нашего президента, депутатов и ракеты, стартующие с подводных лодок в сторону сирийских террористов.

– Знаешь, что подумает официант, когда войдёт к нам? – прищурился Валентин.

– А если войдёт официантка?.. – уточнил Илья с такой интонацией в голосе, которая убеждала, что мы, кажется, реально начали приходить в себя после перелёта.

– И она, и он подумают одно и то же! – покивал Валентин. – Они подумают, что русские ни дня не могут обойтись без обожествления своего Путина и бряцания оружием. А отсюда один шаг до русофобии.

– Они уже его сделали, братцы-кролики, – внятно проговорил я, напряжённо вслушиваясь во взвинченный голос диктора и напрягая все имеющиеся крохи знаний славянской созвучности слов. – Мельдоний... Украина... Агрессию против Литвы... Крым зацапали... В Черногории готовили переворот... Вмешивались в выборы американского президента!

– Да, парни, туго нам тут придётся, – умно вздохнул Валентин. – Во Франции я тогда такого ни разу не слышал. Механизм русофобии набирает обороты. Рекомендую на улице реже использовать русскую речь. Если что, смело переходите на украинскую мову. Говорите, что попало: «Дивлюсь я на небо Та й думку гадаю: Чому я не сокил, Чому не питаю»...

– Прорвёмся, – усмехнулся я.

– Где наша не пропадала! – поддакнул Илья. – А на иврите можно?

– Можно, – снисходительно вздохнул Валентин.

Мы были полны оптимизма. Ведь мы с нарастающим нетерпением жаждали «Старосмиховского» со здешними раритетными кнедликами. Занимавшими в кулинарном пространстве нишу рядом с такими знаменитыми блюдами, как, скажем, литовские цеппелины, украинские галушки и русско-китайские пельмени.

Тупое провальное ожидание растянулось до двух часов. Наконец, оно стало нестерпимо. Выражение «Жалобная книга» уже всё чаще вспыхивало в наших головах. Того и гляди, мы перейдём к самым настоящим грозовым разрядам и начнём метать громы и молнии.

Ни официант, ни официантка и даже никакой хрен собачий так и не поднялись в наш номер на седьмом этаже, куда то и дело возносится самодовольный и самодостаточный лифт, похожий разве что на корабль для полёта на Марс. А может быть и далее того. Лифт, высокомерно проигнорировавший нашу смятенную растерянность.

Или кнопка была неисправна? Или там в администрации опытно решили, что русские сделали вызов официанта по ошибке, а нам он, судя по размеру чаевых, выданных нами швейцару и носильщикам, вовсе не по карману. Возможно, они ждали повторный сигнал, но его не было. Повторять звонок мы не стали.

В итоге мы возненавидели эту элегантно светящуюся кнопку. Как писал знаменитый российский поэт Владимир Гордейчев: «У советских собственная гордость». Несмотря на достаточно давний срок кончины СССР, в каждом из нас, даже в Илье, родившемся уже в новой России, мистически оставалась его частица. Своего рода социологический геном. Скажем, на квантовом уровне. Энергетический след, оставленный некогда бродившим по Европе и, наконец, добравшимся до Российской державы призраком коммунизма.

Мы спустились в ресторан своим ходом, ещё не рискуя пользоваться лифтом.

Я нашёл метрдотеля. Перед поездкой я старательно проштудировал в Интернете «Кодекс хороших манер по-чешски» и кое-что запомнил. По-крайней мере, я, как здесь принято, поздоровался с ним за руку, хотя мы первый раз видели друг друга. Узнать, кто конкретно передо мной, мне помог бейдж метрдотеля.

– Здравствуйте, пан Горак, – оптимистично проговорил я. – Чешская пунктуальность не уступит немецкой. Однако мы, вызвав официанта в номер, безрезультатно ждали его целых два часа.

– Вы ждали его ровно один час тридцать семь минут, – грациозно изысканно улыбнулся метрдотель. – Виновный официант уже уволен. Однако понять его можно. Он сделал это в знак протеста против ввода ваших танков в Чехословакию в шестьдесят восьмом.

– В любом случае, у наших ребят был приказ не стрелять, – вздохнул я. – И они его чётко выполняли. Порой ценой своей жизни... К тому же нас тогда здесь не было. Правда, не в силу убеждений, а просто возраста...

– Немцы применяли оружие, не раздумывая. Они убили моего отца, – тоже вздохнул, но вовсе не так, как я, пан Горак. – Многие из наших отцов тогда ложились на дороги перед танками оккупантов. Чтобы остановить их. И он лёг. Немецкие танки проехали по нему, не сбавляя скорость...

Я понял, почему его вздох был совсем иной, чем у меня.

– Болгары и поляки тогда тоже особо не церемонились с нами, – строго добавил пан Горак. – Однако теперь делают вид, что их там вообще не было здесь... И не было никакого военного союза стран Варшавского договора.

– Может быть, нам переехать в другой отель?.. – сдержанно предложил я.

– Не самое мудрое решение, – почти официально сказал пан Горак. – Там может быть то же самое. Или ещё хуже. Я же предлагаю мировую. А в качестве сатисфакции вам подадут ужин с заглавным блюдом от нашего шеф-повара.

– В ресторанном обиходе оно называется «комплиментом»? – невольно щегольнул я своим знанием этой изысканной стороны не бюджетной жизни.

На самом деле моя осведомлённость в этой области была достаточно поверхностной. Она полностью исчерпывалось этой одной фразой.

– Именно так. А вот во Франции сие блюдо звучит как «развлечение для рта». На один зубок... Но мы накормим вас от пуза! – многозначительно улыбнулся Горак.

«От живота...» – мысленно поправил я его, но озвучивать правильный вариант, тем не менее, не стал.

– А хотите поесть на свежем воздухе? С ветерком! – вдруг совсем раскрепощено, по-свойски заговорил с нами пан Горак. – У нас на крыше самый популярный в городе ресторан.

Я поднял глаза. У моего лица сейчас явно было ни мало, ни много выражение человека уровня бомонда. По крайней мере, воронежского – наверняка.

– Он называется «Сорок первый этаж»? – прищурился я, смахнув слезу, вызванную напряжением взгляда.

– Да! А как вы догадались? Или успели побывать там? – радостно удивился Горак.

– Просто сосчитал этажи, – вздохнул я.

С обеих сторон уже было достаточно сказано слов «натошак». А это не самое лучшее состояние, даже если ты находишься за границей. Пусть и с особым заданием. Мне никогда не симпатизировала поговорка «Жрать – дело свинячье». Горак это опережающе понял.

Горак тотчас дал знак, кому надо, что пора обслужить русских гостей. Лучше него здесь вряд ли кто мог оценить тайные пожелания и настроение клиентов из России. По крайней мере, с нами он не промахнулся.

3

Утром нас повезли на экскурсию. Рядом со мной сел здешний известный писатель Иржи Дворжак. Его представили как нашего куратора. Я всё время ошибочно называл его «Дворжиком». Он ни разу меня не поправил. Кажется, он бы не стал этого делать, называй я его даже «Дворником». Вряд ли он знал русскую поговорку «Хоть горшком назови, только в печь не сажай», но неплохо ей следовал. Несмотря на моё неправильное произношение фамилии Иржи, мы с ним почти подружились. Вернее, между нами установилось нечто вроде некоего энергетического контакта. Кстати, он в свою очередь называл меня не Сергеем, а Сергием. Получалось имя как бы на церковнославянский манер. Недоставало только существительного «отец». Совсем не в смысле определения родства с кем-то из присутствующих.

На этом мы и сошлись. Я тоже не стал его поправлять. К тому же мне в таком случае пришлось бы поправлять и сопровождавших нас вместе с Иржи Йозефа и Яна, для которых я также был «Сергий», и никак иначе.

– Вы вчера смотрели передачу про вашего Путина, Сергей? – добродушно поинтересовался Иржи.

Илья и Валентин настороженно посмотрели на меня.

Я усмехнулся.

– Смотрели, смотрели, – многозначительно сказал я.

– Нам всё интересно, что связано с вашим президентом! – просто-таки восторженно подчеркнул Иржи. – У нас многих это интересует. Нам хочется знать, что у вас происходит на самом деле. Взять дело с якобы отравлением Скрипалей по линии ваших спецслужб. Только идиоты могли бы затеять такое накануне выборов своего президента. Нашим СМИ мы не верим. Нам кажется, что против вас организована самая настоящая травля. Просто вы или кому-то явно наступили на хвост, или перестали слушаться некоего старшего брата. Расскажите об этом?

– Сергей всё вам по полочкам разложит! – оживился Валентин. – Он у нас самый большой специалист по русофобии.

Я вздохнул. Не нарочито.

– Нам не могут простить, что Россия не развалилась на части вслед за СССР...

– Мы, простые чехи, восхищаемся вами! – вскрикнул Иржи. – Знаете, что недавно меня восхитило? Черногорские сербы из села Кралье предложили свои наделы российскому государству. Чтобы вы построили там военные базы или что-то другое – на усмотрение. В пику вступления их страны в НАТО.

Мне оставалось только вздохнуть.

Нам показали город настолько, насколько его можно показать из окна автомобиля. И всё-таки какое-то представление мы получили: это была средневековая крепость, начинённая достижениями научно-технической революции XXI века. Вернее, почти XXII-го.

В конце обзора нас привезли в самый настоящий древний готический замок. Он венчал тяжёлой каменной короной один из здешних лесистых холмов.

У ворот замка нас встретил экскурсовод и аккуратно поинтересовался у Иржи:

– Ruští turisté?

– Оно, – сказал Иржи, смущённо оглянувшись на нас.

Мне стало явно не по себе, когда экскурсовод своим намётанным глазом определил нашу национальную принадлежность. Правда, никто, кроме меня и Иржи, на это не обратил внимание. Так что это подтверждало: у нас с ним реально имелась некая энергетическая славянская общность.

Впору было спросить экскурсовода, как он догадался, что мы русские туристы. Однако я спрашивал его о толщине здешних стен и высоте башен, но только не о том, о чём хотел. Что-то сдерживало меня. Есть такие вопросы, на которые лучше отвечать самому себе. Или вовсе промолчать. Этот явно был из них.

Как бы там ни было, я теперь машинально приглядывался ко всем группам, которые попадались нам в залах просторного замка, начинённого антикварной резной мебелью и коллекцией оружия 13 века. Людей здесь было предостаточно. Особенно в Рыцарском зале. И я, в конце концов, кое-чего достиг. У меня тоже стало получаться отличать наших туристов от всех остальных. Я уже почти не ошибался, особенно, если они шли группой. Не знаю, как и за счёт чего это мне удавалось. Я долго не знал этого. Лучше бы я не знал этого никогда.

Теперь я повсюду с одного взгляда тренированно отличаю соотечественников. Вернее, отдельных представителей той их мизерной части, которые получают нормальные зарплаты, а не пособия по безработице. Неспроста в России прижилась поговорка: «Кто работает, тот не разбогатеет».

В общем, избранные представители наших среднего и выше одного социальных классов со своими жизнелюбивыми яркими эмоциями ловцов сувениров и невероятных забавных впечатлений невольно бросались в глаза на фоне сдержанных, отменно вежливых чехов со скромным, умным выражением на лице типа: «всё идёт помаленьку, хорошо, почти отлично». Ко всему у них лица много читающих людей, а у наших, увы, такие, словно они ещё алфавит не усвоили. Россиян серии «богатенький Буратино» невозможно не заметить ещё и потому, что они здесь напоминают детдомовских малолетних воспитанников, впервые волею судеб

оказавшихся в гипермаркете игрушек. Отсюда чумная трата невесть как настриженных у народа денег направо и налево на всё, что нужно и не нужно, лишь бы очень дорого и блесло. Они жадно хотят взять от жизни всё, то есть не «дать себе засохнуть». И об этом тотчас известить по Инту весь мир «фотками» своих жизнерадостно сияющих малограмотных физиономий. На разрыв улыбающихся по американской традиции. Со стороны такие раззявленные улыбки наших нуворишей скорее напоминают провинциальную рекламу мастерства отечественных стоматологов.

Скоро такому зрению научился и Валентин. Однако ему это рентгеновское видение тоже не доставляло удовольствия. Мы с ним отныне были обречены на негативное настроение. Илья повезло больше: он всю поездку постоянно путал наших с американцами, французами, испанцами и чуть ли не африканцами. Непонятно, как последнее ему удавалось. Но ведь удавалось. Везёт людям.

В конце экскурсии нас пригласил на кофе директор здешнего музея. Пока мы пили (вернее, лизали) достойную «каву» из крохотных чашечек, разговор шёл в основном об особенностях архитектуры сказочного замка, который вполне рыцарски выглядел даже на фоне остальных почти двух тысяч, которыми по праву гордится Чехия.

Мы коснулись за кофе красоты живописных предгорных окрестностей, мощных суровых крепостных стен и рвов, некогда политых кровью героев, здешних пахнущих вечностью таинственных подвалов, наштигованных застенчивыми привидениями, а также роскошно сияющих хрустальных люстр и изящной росписи потолков старинными итальянскими живописцами школы византийской традиции великого Эрколе де Роберти.

Когда нам подали семидесятиградусную сливовицу, разговор сам собой переключился на связанные с замком легенды о разбойниках, авантюристах и несчастных влюблённых. Недостатка в изысканно куртуазных легендах не было. Я и Валентин их жадно записывали. Илья ненасытно фотографировал, неистово вращаясь вокруг оси, стремительно наклоняясь и изумительно подпрыгивая, как самый настоящий звёздный болеро. В объектах для съёмки недостатка не было: здесь на каждом шагу блистало мужественное рыцарское оружие, глыбы рукописных средневековых книг на белом пергаменте с бесценными иллюстрациями, явно выполненные по заказу утончённых знатоков, и роскошная фарфоровая посуда с поэтическими пейзажными миниатюрами.

В сливовице недостатка тоже не было.

И вообще человек, который её делал, знал толк в том, за что взялся. Как видно, он хорошо усвоил дедовские рецепты. С кондачка такую душевную золотистую радость не приготовишь: мягкий протяжный вкус с шаловливыми нотками спелой густо-фиолетовой сливы и готовый вот-вот вспыхнуть в вас зажигательный букет живого празднично-весеннего аромата цветения, и горьковатый, дымчатый аромат дубовой бочки не менее чем двухгодичной просушки.

Сливовица отменно сочеталась с сентиментальными легендами замка, местами разбавленными такими образцами крутой средневековой чувственности, перед которой тот же звёздный порнофильм «Эммануэль» есть сериал шаловливых простодушных историй для наивных девственниц.

Благодаря сливовице легенды рыцарского замка становились всё трогательней и эротичней. Илья принялся прыскать. Почему-то у этого молодого человека чувственные истории всегда вызвали смех.

Я заметил, что с помощью нежно-загадочной сливовицы самая рядовая история становилась похожа на легенду или даже становилась самой настоящей легендой. Поэтому каждый старался сегодня рассказать что-то особенное. И этих волнующих, почти поэтических рассказов нам хватило надолго. Ровно настолько, насколько нам хватило здешней отменной сливовицы. Кажется, это была моравская сливовица. Именно тамошняя имеет ту мировую славу. Несмотря на свои семьдесят градусов, наша моравская сливовица несколько не была «безбашенной». Позже я убедился, что если спросить любого чеха, какой крепкий напиток считается национальным достоянием его страны, он, не задумываясь, ответит со всей своей чешской вежливостью и здравой рассудительностью: «Сливовица».

Когда мы вернулись в гостиницу, после кофе и сливовицы есть хотел один я. Вызывать официанта в номер я не стал. Танки стран Варшавского договора, введённые в Прагу в 1968 году, тут были не причём.

В ресторан я спустился один. Меня посадили за столик к какой-то пожилой паре. Кажется, я им сразу понравился. Они с вежливым восхищением посматривали на меня и аккуратно улыбались. Я не смог толком прочитать *Naročjovú listek*, то есть меню с напитками, так что с помощью интернациональных жестов, по возможности сдержанных, заказал себе то же самое, что было перед моими счастливыми соседями. Старики решили, что у нас приятное совпадение вкусов и теперь ещё более радостно смотрели на меня. Вообще они смотрели на всё вокруг с нескрываемой лучезарной детской восторженностью.

Старик угостил меня вином. Вино было очень дорогое и безвкусное. Наверное, после вдохновенной моравской сливовицы любой напиток покажется никудышним.

– Вы из России? – аккуратно сказал старик, и я нисколько не удивился такой его догадливости. Она была в порядке вещей, хотя я за столом ещё не произнёс ни слова. Ведь это зрение было открыто и мне. И ещё Валентину. Вообще, наверное, многие обладали им. Скорее всего потому, что отличить здесь россиян среди остальных людей, как я уже писал выше, не составляло большого труда. В чём-то это всё-таки являлось плюсом для нас. Как говорится, «один ноль» в нашу пользу.

– Мы – американцы, – сердечно засмеялась старушка.

– Горбачёв! Ельцин! Путин! – вдохновенно сказал старик. – Трудная дорога к демократии.

– Хорошего мало, – кивнул я.

– Сирия, Украина, Иран, гей-парады... Наш Трамп, – тревожно вздохнул старик.

– Проблем много... И у нас, и у вас, – тупо кивнул я, не понимая толком, что ем. Но выбора у меня уже не было. В любом случае, я теперь хотел побыстрее очистить свои тарелки, переполненные неизвестного происхождения снедью, и уйти.

– Вам надо западные ценности, – горестно произнёс старик.

– Я их уважаю, – сказал я. – Но позвольте нам оставить себе свои?

– Вы – сталинист? – уважительно ужаснулся старик.

– Я – человек, – радостно-нагло открыл я его в себе.

Это было не самое проходное открытие. Но отношения к словам «Человек – это звучит гордо!» отношения тоже не имело. Просто человек. Разве такое не имеет право на жизнь?

Я торопливо проглотил последний кусок чего-то весьма вкусного и ароматного. Возможно, мне принесли мясное ассорти. По крайней мере, на стоявшей передо мной деревянной досточке ещё минуту назад лежало более чем достаточно исключительно вкусных колбасок, ветчины и бекона, украшенных загогулистым стручком маринованного алого перчика, солёным изящным огурчиком и щекастой помидоркой. Большинство вокруг, как я уже под конец сориентировался, ели так называемый «тартар» из говядины с тостами и чесноком. Одно название уже несколько настораживало меня. К тому же я не любитель сырого мяса, даже искусно приготовленного. А «тартар» из другого не делают. В общем, с ужином я не промахнулся.

– Я хочу фотография товарищ человек! Боже, царя храни! – восторженно объявил старик и попросил официанта снять нашу дружески настроенную компанию.

Старики лучезарно улыбались. Это была одна из самых лучших искренних улыбок, какие мне только приходилось видеть. И я имел к ней некоторое отношение.

Провожая меня, старики встали. Они перекрестились, как это делаем мы, православные. Я на прощание поклонился им. Это и вовсе привело их в неопикуемый детский восторг.

Утром Валентин настойчиво растормошил меня.

– Вставайте, граф! Вас ждут в соседнем магазине моднучие кеды на высокой подошве с металлической фурнитурой! Самое оно для вашей очаровательной супруги и дочери! С крутейшей надписью на подошве: «Позитив и драйв!» Спешите, пока наши туристы не расхватали весь товар! Там уже начинается ажиотаж!

– Такая обувь была в моде для уроков физкультуры в школах в эпоху Гагарина, – попытался я тщетно отвоевать лишнюю минуту в постели.

– Мода возвращается. Как бумеранг, – рассудительно объявил Илья.

Даже непродолжительное пребывание в Чехии, кажется, вполне положительно повлияло на его формирующийся молодой характер. У национального характера чехов есть чему поучиться.

За гламурными кедами стояла длинная нервная очередь. Это была первая очередь, которую я увидел в здешних магазинах. Она говорила по-русски, хотя время от времени звучали фразы на армянском, таджикском и казахском. Может быть, ещё и на других языках бывших народов СССР говорила эта возбуждённая эксклюзивным товаром очередь, но я особо не прислушивался.

Продавщицы тоже говорили по-русски. И делали это достаточно сносно. Мы как дома оказались. Тем более, что очередь была взвинченная и обидчивая. Казалось, что кто-нибудь из наших сейчас по старой памяти обязательно крикнет: «Больше одной пары в руки не давать!!!» А один из счастливчиков, уже зажавших под мышками по коробке с заветными кедами, вдруг круто объявил, что чешская продавщица будто бы на самый что ни на есть российский манер обсчитала его. В общем, он на весь магазин громыхнул об этом таким матёрым голосом, каким разве что говорили крутые российские парни на «стрелках» в лихие девяностые.

– Русьськи-и! – тыкая в нашу сторону пальчиком, просюсюкал чешский пацанёнок лет пяти и росточком как раз по красивую коленку мамы, которая зашла в магазин в донельзя застиранных дырявых джинсах. И ко всему ещё и босиком.

Я вышел с пустыми руками. Только чтобы поскорей выйти. Прощайте, гламурные кеды...

К этому времени Валентин на высоком градусе покупательского спроса прикупил жене натуральную кроличью шубку. Она была очень хорошего фасона и сшита из очень качественного меха. Правда, он почему-то (шика ради?) был выкрашен в фосфорирующий зелёный цвет. Шуба выглядела экзотично. В ней только между африканскими пальмами щеголять, если бы не тамошняя жара. В конце концов, Валентину лучше знать, что нужно его жене.

На обратном пути мы с ним решили зайти в собор. Как раз шла служба. В глубине собора утробно гудел орган. Казалось, там рождается нечто мощное, космическое. Стремясь высвободиться из земных пут, оно свободолюбиво давит на стены собора, и оттого его готические формы так напряжённо удлинены ввысь. Музыка поднималась и опадала, продолжая свою скульптурную работу с камнем. Если ей было под силу справиться с ним, то можете представить, что она сделала с нами.

Тем не менее, войти внутрь мы не решились. У нас было слишком много свёртков, ни имеющих никакого отношения к созданию божественного настроения. Особенно зелёная кроличья шуба в охапке у Валентина.

Кстати, сегодня он долго не засыпал, однако орган собора был тут ни при чём. И ни при чём была сказочная, изумрудно-фосфорическая шуба для его жены.

Не просто заснуть в отеле, где днём жизнь прозаична и незаметна, а к ночи, напротив, раздвигает свои горизонты до невысказанных границ. Особенно доставал нас ресторан на крыше «Сорок первый этаж». И не своей музыкой. Её с такой высоты почти не слышно. Зато на столе у нас соблазнительно лежал проспект услуг этого ресторана, и мы, благодаря ему, были хорошо осведомлены, что там сегодня можно съесть, выпить и посмотреть. Так, скажем, можно было прямо из ресторана вызвать машину и поехать на дегустацию редких вин в погреба европейской известности или совершить вертолётную экскурсию над ночной Прагой. С низким пролётом над легендарным Карловым мостом. Однако благодаря проспекту мы также были осведомлены насчёт высотных цен в этом высотном ресторане.

Из раскрытого окна сладко-духовито наносило пивом и горьковатым табачным дымом. Но к этим просто-таки рекламным запахам ночной ресторан «Сорок первый этаж» на крыше нашего отеля отношения не имел. Чад был прозаичен и достаточно груб. Пивным ароматом и табачным дымом сочился одноэтажный трактир «У извозчика» напротив нашего отеля.

Высокий рыжий молодой мужчина в майке с портретом Че Гевары неторопливо вышел из него на середину пустой полутёмной улицы. В явно сильной, натруженной руке он держал кружку, полную пивом. Держал с такой профессиональной основательностью, с какой на работе держал свой инструмент.

Мужчина остановился и поглядел куда-то вверх. Может быть, он поглядел на роскошно-яркое сияние «Сорок первого этажа» или на звёзды, если они были видны, что вообще-то маловероятно. Ресторанные огни работали с прожекторной силой, явно гася небеса.

Через некоторое время возле мужчины остановилась девушка на велосипеде, и он угостил её пивом. Она выпила всю кружку и засмеялась. Он тоже засмеялся. Они о чём-то громко поговорили, а потом девушка уехала, старательно налегая на педали своего вихляющегося велосипеда. Вполне вероятно, что эта кружка пива сегодня была у неё далеко не первой.

Мужчина что-то крикнул ей вслед, и они снова засмеялись. Это был замечательный смех. Так смеются люди, которые живут в полном согласии со своими личными представлениями о счастье и не позволят никому заставить их жить хуже. С ними такое не выйдет. Я никогда не слышал такой смех. Оставалось позавидовать ему.

Он пошёл назад с пустой кружкой в торжественно вытянутой вперёд руке. Она как бы служила ему стрелкой компаса. Само собой, весьма своеобразного. Компасы действительно отличаются уникальным разнообразием своих конструкций. Почему бы и такому не быть?

Возле входной двери этот молодой, улыбающийся мужчина с гортанным счастливым криком наотмашь метнул кружку в бревенчатую стену трактира. Взрывчато пыхнули весёлые осколки. Он дождался появления официанта, заплатил ему за кружку и за услугу по подметанию её игривозвонких остатков, и в самом прекрасном настроении отправился, по всей видимости, домой.

Эта сценка вдохновила нас. В это время часы на ратуше пробили девять вечера. Это был тот же звук, что некогда и при короле Вацлаве: нечто благородно рыцарское слышалось в сдержанном гуле старинного мощного металла.

У нас оставалось ровно два часа до закрытия трактира.

Через минуту мы были в его полутёмном добродушном зале. Нашими соседями счастливо оказались уже знакомые Иржи и Ян. Вскоре появился Йозеф, идущий показательно твёрдым шагом. Основательно выпив перед нашим появлением, он ходил домой принять холодный душ и переодеться в свежий костюм. Это говорило об особом уважении посетителей к трактиру «У извозчика», где они жили своей неповторимой жизнью.

Мы тоже как бы подключились к ней, напрочь забыв о поручении Василия Васильевича. Мы забыли, что нам следует сейчас бдительно внимать здешним раскрепощенным пивным разговорам о России, Сирии, Украине, Донбассе и санкциях против нашей страны. Однако никакого проку не было бы, даже помни мы об этом. Здесь говорили обо всём, но только не о геополитике. Как ни удивительно, нами тоже не было сказано о ней ни слова. Мы словно забыли, что это такое и с чем её едят. Это были очень счастливые два часа. Я со вкусом вдохновенно выпил четырнадцать пол-литровых кружек легендарного «Старосмиховского» пива. Со здешней чешской неповторимой матово-розовой ветчиной, которую нам подали на огромном сияющем фарфоровом блюде тончайшей работы.

– Пан Пивак! – восторженно заценил мои далеко не предельные возможности Иржи Дворжак.

– Пан Пивак!! – празднично засмеялся официант, который совсем недавно заметал у входа в трактир сверкающие осколки разбитой тем рыжим молодым мужиком массивной пивной кружки. Он, кстати, отмечал фломастером на кружочке белого картона каждую мою очередную порцию пива. Для будущего расчёта. Я осваивал великолепное пиво с большим уважением. Отметин на кружке было ровно четырнадцать.

Официант в свою очередь восторженно объявил об этом всему залу.

– Пан Пивак!!! – хором отозвался в сочной пивной полутьме душевный трактирный народ.

Все стоя выпили в мою честь ещё по кружке неповторимого «Старосмиховского». Иржи шепнул мне, чтобы я раскланялся и тоже показательно выпил ещё одну кружку с кудрявой серебристо-матовой вальжной пенкой. Я смог. И очень даже смачно. В общем, за один заход. Чуть ли не залпом. Это было образцово-показательное насыщение достойным пивом.

Когда уходили, Илья и Валентин пытались меня на всякий який случай поддерживать с двух сторон. Честное слово, я в этом нисколько не нуждался. Но отталкивать товарищей не стал. Они же делали это из лучших побуждений.

Утром нас повезли на завод, где делали спортивные и охотничьи ружья. Само собой, в случае необходимости, здесь вполне могли собирать и боевое оружие. Шеф наверняка бы поставил «плюс» такой поездке: мнение о России на практически оборонном заводе явно будет иметь для него особый статус. Однако встреча с народом не состоялась: прерывать производственный процесс для нас не стали. Более того, его бы не остановили ни для кого. Просто провели по цехам, а потом мы пили кофе в директорском кабинете. Кто хотел, пил пиво. Кофе подали двойной, пиво – чёрное. Иржи Дворжак был с нами и предупредил, что оно действует, как пуля в лоб. Образ с пулей здесь на оружейном заводе был особенно реален. Это подействовало на наше подсознание. Мы все попросили себе кофе. Более того, сила образа с пулей оказалась такова, что я за все дни в Чехии ни разу не рискнул отведать чёрного пива. И все его пули пролетели мимо меня.

Хотя фамилия директора была достаточно говорящей – Vesely, то есть Веселый, Ярослав Веселый, веселого разговора у нас не получилось.

– Политика меня не интересует, – сухо сказал он. – У них свои дела, у нас свои. Лучше поговорим о наших замечательных ружьях, а потом спустимся в тир и убедимся в этом на практике.

– А каково ваше мнение об имперских замашках России? – подал голос наш блистательный аналитик Валентин с царственной фамилией Романов.

Иржи старательно перевёл его слова. Кажется, иногда он напрягался, подыскивая наилучший вариант фразы. По всему было видно, что эта тема ему тоже не по душе.

– Мы прекрасно понимаем, что Россия – не Советский Союз. С Россией можно и нужно сотрудничать...

– Но как к этому отнесётся руководство НАТО? – не унимался Валентин.

Иржи сдержанно перевёл его слова.

– Я не хочу говорить о политике, – поморщился Веселый. – Я хочу делать самые лучшие в мире охотничьи ружья. Наверху ни нас, ни вас никто ни о чём никогда не спрашивает. Ни о введении танков, ни о вступлении в НАТО. Вас вон однажды спросили, хотите вы или нет сохранения СССР, так что из этого вышло? Кстати, ваш Ельцин и Путин тоже вроде как подумывали примкнуть к Североатлантическому Альянсу. Так что давайте добавим в наше кофе славную Бехеровку и забудем обо всём плохом...

В любом случае, для меня этот уклончивый разговор не оказался бесполезным. Более того, он явно заложил во мне начатки космического мышления. Я почти понял, почему землянам не следует искать контактов с инопланетянами. Мы на Земле друг с другом не можем толком объясниться. Даже при помощи лучшей в мире Бехеровки.

Веселый вздохнул с каким-то глухим взрыком и лично нацедил её нам всем в кофе: знаменитая 38 градусная Veserovka, настоящая на двадцати травах из Карловых Вар. Это нечто, паны, пани и панночки.

Действие сего фантастического напитка позволило нам аккуратно уйти с трудно развивавшейся политической темы. Мы заговорили о недавнем гей-параде в Праге. Оказалось, что каждому из нас есть, что сказать по этому поводу. Как-никак парад собрал больше десяти тысяч человек и был признан одним из лучших в Европе. Градус разговора энергично нарастал. В этой теме мы явно не нашли общий язык.

Чтобы восстановить мужское братство, мы по приглашению директора решительно отправились в тир. Перед стрельбой все выглядели очень мужественно, как и подобает настоящим мужикам.

Не без помощи Бехеровки наша воинственная компания быстро преодолела ведущую в тир длинную винтовую лестницу, как бойцы, поднятые ночью по боевой тревоге. Навстречу нам поднимался кисловатый, с хвойным оттенком густой запах пороховой гари. Я машинально подумал, что это был, прости, Господи, аромат ни мало, ни много ладана войны.

Нас бегло проинструктировали и выдали каждому по тяжёлому четырехкилограммовому ружью модели «супер» 12 калибра с 720 миллиметровыми стволами. Рукам было радостно чувствовать их ореховые ложа.

Нам отсчитали по три красных патрона и ещё раз проинструктировали. Особо было указано, что у ружей тугой спуск. Я предвкушал, какую яростную пальбу мы сейчас устроим. Это будет

просто-таки настоящий салют, говоря языком передовиц советского времени, в честь чешско-русской дружбы.

Мы не выстрелили ни разу. И я в том числе. Но Бехеровка на двадцати волшебных травах, выпитая нами перед тем, как идти в тир, тут была не при делах. Само собой, как и наши недавние самодельные политические размышлизмы.

Мы не выстрелили по той причине, что несколько служителей тира этому неожиданно помешали. Они суетились на линии огня, срочно снимая с мишеней солдатские робы. Это были новенькие гимнастёрки и галифе советских солдат. Возможно, сохранившиеся где-то на складах со времён братской воинской дружбы стран Варшавского договора. Умели в СССР делать качественно, на долгие годы.

Желание «пострелять» как-то союзно пропало у всех нас.

– Это провокация, – сдержанно проговорил Ярослав Веселый. – Не судите по ней обо всех нас. Я не отдавал распоряжение одевать эти мишени в форму ваших воинов. Кто-то за нас постарался.

Когда мы вернулись, портье подал мне записку с номером телефона, по которому меня просили позвонить.

Мы были без Иржи, но с помощью электронного переводчика я быстро составил нужную фразу: «Kdo a proč?»

– Кто и зачем? – пожал плечами русскоговорящий портье. – Этого я вам не объясню.

– Голос был мужской или женский?

– Мне записку передали по смене.

– Мужики, здесь у меня кроме вас нет никаких знакомых, – несколько напряжённо проговорил я. – Василий Васильевич? Маловероятно. Жена? Я предупредил её, чтобы не беспокоила.

– Если это не ошибка, перезвонят, – хмыкнул Валентин.

– Всё это ерунда, – поддержал его Илья. – Забыли, мужики.

Мы переоделись и пошли в трактир «У извозчика». При всём притом я не собирался сегодня повторить свой пивной рекорд и подтвердить звание «Пана Пивака».

Мы вновь заказали очень понравившуюся мне ветчину с розово просвечивающими лепестками и чёрными оливками – блескучими, словно бы глазастыми. Тот же официант с особой радостью принёс нам по кружке охлаждённого «Старосмиховского» с седой пенной шевелюрой, а следом принёс по второй и третьей. Официанта звали Зденек. Это имя легко произносится русским человеком. Оно очень для нас удобно в произношении и эффектно звучит своим благородным сочетанием звучных букв. «Зденек»! Класс.

Как настоящий «Пан Пивак», я сделал первую паузу только после пятой кружки.

Зденек был счастлив, что пиво нам нравится. И что нам нравится отменная румяная и сочная ветчина с оливками. Он не преминул объявить, что приглашает нас через два дня на местный праздник чешской ветчины, который отмечают здесь с 1857 года. Когда знаменитый Франтишек Звержины создал в своей мясной лавке сей чудесный деликатес.

Ко всему Зденеку, как истинному профессионалу пивного дела, понравилось, что мы, в отличие от большинства русских гостей, не стали заказывать к «Старосмиховскому» солёные сухарики и вяленую рыбу. Здесь это считалось дурным тоном.

Зденек с аккуратной вдохновенностью предложил нам к «Старосмиховскому» ещё и маринованные свиные рёбрышки, а также жареные колбаски с чесноком, имбирем и сладкой паприкой. Мне показалось, что в них присутствовал также мускатный орех и кардамон, но Валентин с Ильёй с таким усердным аппетитом уничтожали всё подряд, что никто из них не удосужился ни возразить мне, ни согласиться со мной.

На седьмой кружке, которую мне с восторгом принёс наш вдохновенный, азартный официант, что-то меня как за язык потянуло.

– Зденек! – почти торжественно проговорил я. – А как Вы относитесь к России?..

– О! Всё в порядке! Мы любим Путина! – как салютуя, вскинул он перед собой в одной руке все наши четыре очередные кружки, запаянные студенистой пеной. Она так шуршала пузырьками, словно тоже норовила что-то произнести шёпотом. Я думаю, эта пена, как и сам Зденек, вряд ли имела что-то против нашей страны и нас самих. По крайней мере, его яркая и стремительная

улыбка, которая словно сама по себе радостно мелькала одновременно в разных местах трактирного зала, в этом однозначно убеждала.

Вёртко отходя, Зденек вдруг зацепил наше блюдо с ветчиной неземного вкуса. Едва зацепил. Тем не менее, он сложил руки на груди и попросил прощения. Ещё никто никогда при мне не делал этого с таким достоинством и уважением.

– Всё в порядке, Зденек! – смущённо сказал я.

Однако в конце вечера, когда мы хотели расплатиться, Зденек не взял с нас ни кроны. И он был в этом решителен, и явно гордился таким своим фирменным способом достойно оградить репутацию заведения. Одним словом, наша взаимная тактичность радостно говорила сама за себя.

В отеле портье снова встретил меня словами:

– Вам опять звонили.

Само собой, даже эти два обычные слова были произнесены им с достойной неторопливостью и особой чешской вежливой отчётливостью, отшлифованной всем образом здешней жизни. Терпеливость и благообразная сдержанность чехов есть черта особая даже среди остальных европейцев. Наш портье явно владел ей на образцово-показательном уровне.

– Придётся звонить?.. – задумался я.

Мы уныло переглянулись. В этой ситуации явно не было никакой логики. Тем не менее, проблема набирала обороты.

– Кому потребовалось так настойчиво нас разыскивать? – поморщился Илья.

– Может быть, ЦРУ?.. – хмыкнул Валентин. – А может быть и английская разведка МИ-6? С них станется. Не надо было нам, ребята, вести в общественных местах разговоры насчет НАТО. В любом случае, эта история начинает мне всё больше нравиться!

– Я во всём люблю ясность, – строго вздохнул я и решительно набрал оставленный нам номер.

Это был телефон российского консульства. Мне ответил его сотрудник Андрей Волков. Он предложил встретиться завтра в отеле за завтраком. Голос был предельно спокоен, вежлив и предупредителен. Только таким голосом можно разговаривать здесь. Чешский менталитет иных интонаций не приемлет.

– Да, да... Конечно, – тупо проговорил я, даже не пытаясь выяснить, зачем мы ему потребовались. Я как бы взял под козырёк. Чисто наша черта при общении с вышестоящими госинстанциями и спецслужбами.

7

Утром официант, как всегда, радостно-галантно провёл нас к свободному столику. Проживание в отеле заботливо включало в себя бесплатный завтрак. Как было отказаться от такой любезности, явно заранее оплаченной нами же. Этот утренний гастрономический ритуал будто бы за счёт заведения включал кофе, кстати, достойный на вкус, двойной, но в чашечке ёмкостью едва ли более столовой ложки. Ко всему, несмотря на то, что сами чехи едят мало салатов, предпочитая реальную сытную еду, – нам приносили с видом презента с царского стола щепотку какой-то нежной витаминной травки со следами присутствия очень хорошего сыра. Иногда он был со слезой, что нас по-своему забавляло. Мы каждое утро внимательно оценивали наш «утончённый» завтрак: не плачет ли сыр? Своими слезами или их отсутствием он, по нашему общему мнению, предсказывал качество предстоящего дня. Кстати, название салата не могло не вызывать уважение. Однако сытности оно несколько не прибавляло. То бишь греческий салат с сыром Фета и чёрными оливками. Плюсом было то, что мы благодаря этому салату ещё имели возможность каждое утро вербально разминать и тренировать своё чувство юмора разнообразными, пусть и не всегда удачными, а то и вовсе дурацкими вариациями поговорки насчёт бесплатного сыра в мышеловке.

Одним словом, дармовой завтрак функционально являлся для нас не более чем игривой заправкой, легкомысленной прелюдией к основному произведению. После него мы сразу же уверенно шли через дорогу в трактир «У извозчика» и радостно заказывали Зденеку или его сменщику с не менее замечательным именем Франтишек всякий разный харч, соответственно нашему аппетиту и вкусам. Скажу сразу, пиво утром не входило в нашу гастрономическую карту. Да и

вечером я как-то стал смущённо уклоняться от подтверждения своего олимпийского звания «Пан Пивак». В общем, в трактире «У извозчика» по утрам мы чаще всего добавляли к изысканному тощему европейскому завтраку отеля жареный шницель из свиной шеи с лимоном, запечённое свиное колено с горчицей, хреном и кислой капустой, а также медальоны из свиной вырезки. Блюда из говядины здесь кусались по цене, не говоря о дичи. На гарнир нам нравились дольки холодного картофеля по-деревенски. Но иногда мы заменяли его популярной здесь чечкой. Никто из нашей троицы толком не знал, что это такое, но она нравилась нам и очень нравилась всем, кто приходил в трактир. Особенно, если компанию чечке составляли копчёные свиные колбаски с добавлением козлятины, баранины и маринованной крольчатины. Одним словом, редко кто здесь не брал чечку. Если это случалось, то все понимали, что этот человек очень сыт. В противном случае чечку ели все, как и все пили «Старосмиховское».

За столиком с уже выставленным на нём скудным диетическим завтраком сидел молодой мужчина в отличном белом костюме и сосредоточенно, энергично ел что-то весьма мясное и достойное. Оно выглядело почти экзотически. Некое творение изысканной гастрономической архитектуры. Это вполне могла быть ножка фазана, приготовленная на можжевельнике и беко-не или лопатка ягнёнка в маринаде на чесноке. На самом деле это были говяжьи щёчки в вине. В конце концов, какая разница. Мне показалось существенным именно то, как ел незнакомый человек за нашим столом. Это был классический образец элегантно-употребления достойной мужской еды. Так едят, разве что, на приёме у английской королевы. По крайней мере, возможно, что так. В конце концов, я ни разу не был свидетелем того, как на самом деле вводят в себя пищевые продукты явно не последнего достоинства за королевским столом. Хотя, думаю, даже обычную манную кашу королева Англии Елизавета II употребляла бы соответственно своему высочайшему сану.

Мы не ошиблись, предположив, что за нашим столом уютно расположился тот самый Андрей Волков. Своей особой вышколенной импозантностью и более чем шикарным белым костюмом он вполне тянул на офицера ФСБ из службы внешней разведки, работающего под прикрытием. Я даже придумал на ходу, какой у него мог быть служебный псевдоним. Например, Дымов из одноименного чеховского рассказа, или Бендер. Бендер – реальней. И вкусней! Кстати, белый цвет в одежде всегда есть признак внутренней свободы и элегантности. Андрей вполне соответствовал всему этому. К тому же не все умеют носить белый костюм. Он делал это без сучка и задоринки. Вот бы услышал эту мою фразу наш шофер с легендарной «Татры». Белое следует носить раскованно и чуточку вызывающе. Андрей показался мне самой лучшей иллюстрацией к этой непростой теме.

Он легко, спортивно привстал и сдержанно поклонился. Он так это сделал, что меня потом ещё не раз подмывало именно так вставать и именно так исполнять поклон, как этот человек. Он многое что умел, чему невольно хотелось подражать. Манеры этого человека и даже, возможно, мысли были заразительны. Однако у меня ничего не получилось и не могло получиться, как у него. Я всегда был плохим учеником в смысле хороших манер. И это, наверное, хорошо. Быть двойником не лучшее призвание.

Мы представились и сделали по первому глотку утреннего двойного кофе. Того самого, от которого уже после первой же чашки начинаешь чувствовать, будто у тебя на лице проступает особый кофейный загар: оно темнеет и приобретает лёгкий африканский оттенок. У меня лицо от кофе начинало сугубо краснеть. При этом вернуть ему натуральный цвет могло только «Старосмиховское». Если, конечно, заказать не менее пяти кружек.

– Я уполномочен передать вам просьбу вашего Василия Васильевича! – сказал Волков свежим радостно-деловым голосом человека, который лёгким ужином, отличным сном и чудесной пробежкой по утреннему росному парку идеально подготовил себя к блистательному выполнению любого количества дневных дел. – Василий Васильевич отменяет своё намерение поднять на страницах своего журнала тему русофобии. Он понял, что для вашего провинциального журнала это неформатная тема. К тому же ваш повышенный интерес к вопросу мнения славянских народов о современной политике России переполошил всех здешних резидентов иностранных разведок. В первую очередь, само собой, засуетились американцы и англичане. Более того.... Из одного компетентного источника нам стал известен настоятельный факт... Западные

спецслужбы готовятся скомпрометировать вас. И знаете, какое у этой провокационной операции кодовое название?

Что-то вдруг озарённо торкнуло меня изнутри.

Нарушая все здешние кофейные традиции, я одним махом опрокинул в себя чашку с двойным кофе. Вернее, не чашку, а напёрсток. Из легендарного чешского стекла.

– Кодовое название?.. – загадочно произнёс я. – «Пан Пивак»!

Волков сдержанно, почти строго усмехнулся.

– В точку. У журналистов специфическая профессия! У вас какой-то особый путь проникновения в чужую душу и мысли. Да, так. В общем, день-два мы вам оставляем на туристические радости, но потом рекомендуем срочно собирать чемоданы. Антироссийскую тему вам всё равно не разгрести. Только огня по неопытности подбросите.

Он протянул нам уже оформленные и оплаченные обратные авиабилеты.

– Неужели всё так плохо?.. – вздохнул я.

Волков не ответил. Вернее, он словно и не слышал мой вопрос.

– В Славков ездили? – свежо улыбнулся он. – Это бывший Аустерлиц.

– Нет ещё.

– Обязательно побывайте напоследок. Оно стоит того!

– Большое спасибо! – сказал я. – Мы обязательно попросим нас туда свозить.

В это время возле нашего столика виртуозно остановился официант. У него в руках не было ничего, кроме блокнота и ручки.

– Пожалуйста, оплатите свой завтрак, – негромко, скучно сказал он.

Я торопливо достал портмоне.

– С вас сорок одна крона.

– Хорошо, хорошо. Конечно, я заплачу, – покивал я, точно разминался перед тем, как боднуть головой этого официанта. – Хотя у всех у нас бесплатные завтраки. По крайней мере, так было до сих пор.

– Извините, я что-то напутал! – громко сказал официант с некоей достаточно фальшивой смущённостью. – Извините, дорогой русский гость. Извините, дорогие русские гости.

Это начало сбываться предсказание Волкова насчёт провокаций?..

Когда мы вышли, я увидел возле отеля своих американских стариков. Только сегодня он и она были какие-то скучные и несколько как бы настороженные. Кажется, они не узнали меня. Или только сделали вид? Я хотел окликнуть их, но почему-то сдержался. Возможно, помешало присутствие Волкова-Бендера. Хотя причём тут он?..

Наверное, я напрасно не заговорил со стариками. Они бы улыбнулись. Наверняка. Они умели это делать. Я упустил возможность поднять им настроение.

Мы решили вернуться в номер и обсудить перемену обстоятельств. Волков радушно простился с нами. Мы только что не обнялись с ним.

Некогда непослушный лифт упруго причалил у наших ног. И мы вознеслись в его суперкабине, словно совершили космическое путешествие. Каждый этаж отеля был как некая планета со своим особым миром.

С порога я решительно направился к холодильнику, который все эти короткие дни выглядел обиженным из-за отсутствия нашего интереса к нему. Помня про все предупредительные параграфы двухдневного французского опыта Валентина, я, тем не менее, извлёк на свет белый всё, на что лёг мой глаз. А лёг он на всё сразу. В первую очередь я вытащил из печально ждавшего нас холодильника благородный гаванский тёмно-золотистый ром «Havana Club». Мы радостно осмотрели бутылку, в которую словно бы некий волшебник упрятал цвет заходящего, уже низко-го густого Солнца.

Я взволнованно объявил, что истинные ценители пьют ром только в чистом виде, ничем не закусывая.

Это экстремальное предложение очень понравилось Илье и Валентину. Мы заранее почувствовали себя настоящими знатоками рома. Я выбрал из крепких напитков самую лучшую бутылку. Уже скоро это восторженно признали Илье и Валентин. Они даже хотели переименовать меня из «Пана Пивака» в «Пана Рома», но не смогли найти такому достойному имени подходящего

благозвучного словосочетания. «Пан Рома» как-то не прокатывало. В какой-то степени, именно наш отличный ром помешал реализации их остроумия.

– В общем, с сегодняшнего дня всем нам следует быть вдвое осмотрительней, – строго вздохнул я.

– Может быть, мобильники отключить? – сурово напрягся Валентин. Кажется, он при этом чуть-чуть побледнел. Хотя это могло быть и следствием внутреннего усваивания легендарного кубинского рома. Казалось, ещё рюмка, и мы запоём, пусть и нескладно: «Слышишь чеканный шаг? Это идут барбудос. Небо над ними – как огненный стяг...»

Кажется, такая тревожность нашего нынешнего положения даже приподняла нас в собственных глазах. Наверное, в каждом из нас ещё не был изжит пацан, не наигравшийся в шпионов. На волне такого подъёма самооценки я объявил, что сам оплачу ром. Сколько бы он ни стоил. Это своего рода дань уважения с моей стороны моим спутникам за их смелое участие в такой непростой поездке. Будем говорить открытым текстом. Мы попытались прикоснуться к теме за семью печатями.

Точно уловив высокий накал нашего героического настроения, позвонил из Воронежа сам Василий Васильевич.

– Моё задание отменяется, ребята... Сворачиваемся. Миссия невыполнима, – каким-то особенно бережным голосом проговорил шеф, тем самым невольно давая нам понять, что эта наша поездка в Чехию стала там у них предметом нелицеприятного обсуждения на достаточно высоком уровне. Если не на самом высоком в масштабах Воронежа, а то и самой Москвы. – Всем огромное спасибо! Молодцы. Вы со своим поиском истоков русофобии, не загадывая, многих там, кого следует, нормально поднапрягли. Из тех, кто эту русофобию в спешке стряпает. Родина не забудет своих героев. Жду вас, мужики!

Не знаю, была ли какая-то связь с нынешним неожиданным развитием событий вокруг нас, но за ром мне платить не пришлось. Ни за первую, ни за вторую и ни за третью, а потом ещё и четвёртую бутылку. Дежурная по этажу деньги за ром из холодильника с меня не взяла. Я обратился к старшему официанту. И он тоже не взял с меня ни кроны за ром. Я упёрто дошёл до администратора отеля «Сороковой этаж». И уже он пояснил мне, что ром оплачен. Оплачено всё содержимое нашего холодильника. Тот, кто это сделал, просил не называть его.

8

Ехать на Аустерлицкое поле лучше зимой. Даже есть точная дата для такой поездки – 20 ноября. Обычно в это время весьма приблизительный европейский снег уже метит белыми пятнами здешние суглинки. Или, в подтверждение гипотезы о всемирном потеплении, сыплется печальная смесь дождя со снегом. Но главное состоит в том, что 20 ноября вы ещё издалика поймёте, что поступили правильно. Это когда вы услышите со стороны Праценских высот густой пушечный залп, и блеснёт вам в глаза зеленовато-жёлтым пороховая вспышка. Всё это тотчас подхватят частые выстрелы кремнёвых ружей. Прорежется хлёсткая морзянка барабана. На Праценских высотах у костров – кивера, треуголки, папахи и каски с плюмажами. Это гусары и кирасиры, артиллеристы и казаки. Кое-где видны шляпки маркитанток. И сами маркитантки тоже видны. Их нельзя не заметить. Они умеют бросаться в глаза. На то они и маркитантки.

Мы приехали сюда задолго до дня реконструкции сражения – двести двенадцатой годовщины битвы «трёх императоров». Тогда тысяч пять «солдат» будут азартно «биться» часа полтора, потратив около тонны чёрного пороха, и завершат действие праздничным фейерверком и парадом на улицах Брно с кружками прекрасного «Старосмиховского» в руках.

Сейчас в уютной, смиренной тишине шёл бесшумный на здешних мягких кровлях, размеренный дождь. Точно деловито выполнял какую-то порученную ему в небесах работу. Я не могу объяснить, почему, но в силу каких особых признаков в моих глазах это был самый настоящий, истинно чешский дождь.

Угрюмое Славковское поле. Ряженных и муляжей боевых знамён ещё нет. Как и высокого и бесконечного неба Аустерлица, увиденного князем Андреем. Тем не менее, среди здешних пологих пустынных холмов, включая наполеоновский Журань, с перелесками и прудами в низинах обострённо чувствовалось, что именно в таких просторных, распахнутых местах устраиваются битвы, в которых не имеющие никаких претензий друг к другу и вообще незнакомые десятки

тысяч людей разных народов и племён ценою своих жизней отстаивают амбиции вождей. И всё же тогда в Аустерлицком сражении двум императорам не удалось поставить на место третьего, который им не нравился. Возможно, им не хватило для этого ещё тридцати-сорока тысяч убитых мужиков, но такова селява. На «нет» и суда нет. Император Александр после Аустерлицкого поражения горько оплакал, по-мужицки сидя в раскорячку под деревом, свою невозможность тысячами чужих жизней прижучить Наполеона.

Когда мы после замка Славков поднимались на волнистые Праценские высоты к музею «Битва трёх императоров», завыла собака. Судя по хриплости и обыденности её интонаций, обыкновенная дворняга. Кто знает, что заставило её заняться сейчас таким душераздирающим делом. Может быть, эта дворняга выла от тоски по тем десяткам тысяч солдат, которые здесь восторженно и храбро умирали ни за что?..

Да, люди могут миллионами умирать без цели, но собака попусту выть не станет. Когда вы стоите на том месте, где ради проблем трёх человек, пятьдесят тысяч других под дождём зарезали и застрелили друг друга, такие мысли невольно приходят в голову. И пусть они погибли давно, всё равно здесь над вами и посейчас как бы висит облако живой боли. Да, собака выла неспроста. Она старалась, как могла, и была искренна в своих завываниях.

Мы слышали её голос даже в глубине Мавзолея на вершине Праценских высот. Он сложен из камня, и здесь его многие тонны, однако и они не смогли сдержать собачий всепроникающий траурный вой. Слушая его, даже здешний восковой Наполеон, кажется, переживал муки совести.

Мы стояли у гроба с останками французов, русских, моравов и австрийцев, а до нас доносились, как раздирается собака у подножия холма. Она явно взялась за это дело не на шутку. Как видно, у неё всё-таки был серьёзный повод. Не знаю, чего больше мы уже хотели: чтобы она, наконец, замолчала или чтобы продолжала до бесконечности.

Она продолжала и не щадила себя.

В здешнем баре собака тоже была слышна. Мы взяли самый любимый в Чехии травяной ликёр «Фернет Сток» не хилых сорока градусов. Его многогранный аромат не поддаётся описанию, ибо состоит ни мало, ни много из запахов четырнадцати элитных трав, растущих только в Пиренеях, Атласских горах Марокко, Камеруне, Пакистане и Индонезии. Я нанюхал там ромашку, горчичное семя, дубовую густую горчинку и лимонную цедру. Тем не менее, рецепт ликёра до сих пор хранится в секрете. Сами чехи обожают запивать Фернетом своё любимое пиво. Будто бы тогда можно на время протрезветь и потом осилить ещё несколько кружек на пути к элитному званию «Пан Пивак».

Мы на этот раз предпочли пользоваться ярко-рубиновый «Фернет Сток» в чистом виде. Наверное, слова Волкова про некую операцию западных разведслужб «Пан Пивак» подействовали на нас отрезвляющие. Такие обстоятельства, я думаю, способны освежить голову кому угодно.

Мы выпили по стаканчику за павших в Аустерлицкой битве. За всех павших во всех боях, кого посылают умирать те, кто не способен сам постоять за себя.

Завывания псины стали ещё протяжней. Голос ей позволял. Можно было подумать, что эта собака напрямую общается своим воем с теми, кто когда-то погиб на ноябрьском Аустерлицком поле. И на Прохоровском. Куликовском. На всех полях смерти. Историки насчитали их более пятнадцати тысяч, ставших кладбищами для четырёх миллиардов людей, специально выращенных, чтобы умереть в силу особых исторических обстоятельств. Те же историки прикинули, что мирных дней за всю историю человечества у него было не больше месяца.

Так что наша собака никак не могла скоро замолчать.

Бармен, пан Кучера, радостно предложил нам достопамятные картофельные кнедлики: к ним прилагались не менее знаменитая подкопчённая старопражская ветчина из целого свиного маринованного окорока, густой острый соус, тушёная капуста и отварное тесто в одной тарелке. Отварное тесто хорошо впитывало соус. При этом вкус соуса и вкус теста соединялись и давали особенный третий вкус, который иначе не прочувствовать. Сам по себе он не существует. Мясо и капуста тоже отлично сочетаются и отменно дополняют друг друга.

Пан Кучера принёс кнедлики и к ним бутылочку сорокаградусного ликёра «Фернет Сток» для мужественных гостей. И то, и другое тоже неплохо сочетается между собой, но, к сожалению, до сих пор не имеет какого-то одного, обобщающего названия. Как вариант – пиршество.

Подавая, бармен что-то сказал нам. При этом у него было буквально молитвенное выражение лица. Оно могло иметь отношение как к Богу, так и к вкусу кнедликов или золотистой сочной ветчины.

– Воет и воет! Уж эта собака...Извините, проше Паньства, – повторил нам пан Кучера таким тоном, словно речь шла о чём-то возвышенно мистическом.

Он оказался достаточно русскоговорящим чехом.

– Повоет и перестанет, – философски отозвался я.

– Неделю воет... Atrium mortis! – нахмурился бармен, который, оказывается, был не только русскоговорящим, если судить по этой латинской фразе про суд смерти. – Столько посетителей распугала. Народ сейчас нервный. Всем сразу начинается мерещиться новая большая война. Кому-то она опять край нужна. Вы разве у себя в России этого не чувствуете?

– Чувствуем, – глухо сказал я.

– Под такие мысли много не съешь и не выпьешь. Одни убытки, пан, от этой собаки. И от предсказателей новой войны. Надо попросить сторожа пристрелить её.

– Не стоит, – вздохнул я. – Это настоящий аустерлицкий пёс. Он так по-своему служит, прости Господи, панихиду по всем павшим здесь. Ad perpetuam rei memoriam.

– Переведите, пожалуйста, – в один голос сказали Илья и Валентин.

– В вечную память события, – вздохнул пан Кучера.

Я предложил тост за такую усердную старательную собаку. Настоящий трудолюбивый чешский пёс.

Это всем понравилось. Но особенно понравилось бармену. Ему латинская фраза про здешнюю собаку понравился даже больше, чем кому-либо из нас.

Бармен открыл окно и что-то радостно крикнул старательно вывшей собаке по-чешски. Мы за эти считанные дни так и не овладели в достаточной степени этим языком. Но сейчас его знание нам не потребовалось. Нисколько. Мы без труда поняли, что крикнул бармен. Это было само собой ясно. Он крикнул собаке, что мы пьём за её собачье здоровье.

Как бы там ни было, но после тоста она реально замолчала.

Нам поначалу показалось, что это ненадолго. И мы невольно прислушивались, ожидая, когда собака снова возьмётся за своё.

Она упёрто молчала.

И тогда мы поверили в силу своих тостов, и последовали новые: за мир, за удачу, чтобы не было в карманах пусто, за женщин, за инопланетян.

– Битву устроили три императора, но сами драться между собой не решились. Людей подставили! Выпьем, чтобы так больше никогда не было! – ещё раз подтвердил бармен своё отменное знание русского языка.

Мы выпили за мир во всём мире. Бармен неожиданно пустил слезу.

После третьей бутылочки слегка горьковатого «Фернета» мы вместе с паном Кучерой как смогли спели «Катюшу», а потом ещё осилили «Хотят ли русские войны». Её мы пели особенно звучно, строго. Без неё сегодня было никак не обойтись.

Потом я сольно спел песню, которой давным-давно, когда мне было лет пять, меня научила мама Татьяна Яковлевна. Один куплет до сих пор сидит в моей голове. Точно некий компас.

«Вновь богачи разжигают пожар,
Миру готовят смертельный удар.
Но против них миллионы людей:
Армия мира всех сильней!»

Аустерлицкое небо с нашего холма было зажато серой поволокой дождя. Сеялась прохладная морось. Это было вовсе не то высокое мудрое небо Аустерлица, которое поучительно открылось тяжело раненому князю Андрею. Это было наше небо. Нас и пана Кучеры. И той мудро замолчавшей собаки.

Я долго бдительно смотрел на неудобное небо Аустерлица. Будто в свою очередь ждал откровения. Но небо не спешило. В конце концов, я не князь Андрей. И всё-таки я жду этого откровения до сих пор.